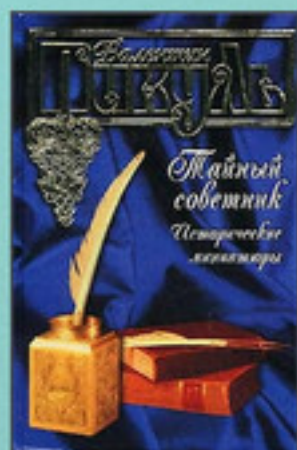

Валентин Пикуль

Известный гражданин Плюшкин

Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

Известный гражданин Плюшкин

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Известный гражданин Плюшкин / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Тайный советник)

«...Далеко ушел Федя Плюшкин, даже до Порховского уезда, и однажды вернулся с таким барышом, что сам не поверил. Уже в старости, известный не только в России, но даже в Европе, Федор Михайлович переживал тогдашнюю выручку:— Семьдесят семь копеек... кто бы мог подумать? Маменька как увидела, так и села. Вот праздник-то был! Поели мы сытно, а потом комедию даром смотрели... Это ли не жизнь? Торговля – дело наживное, только знай, чего покупателю требуется, и через три годочка коробейник Федя Плюшкин имел уже сто рублей...»

Валентин Пикуль

Известный гражданин Плюшкин

Конечно, все мы высоко чтим Плюшкина, однако напомнить о нем никогда не будет лишним, ибо этот человек заслуживает внимания и уважения в любознательном потомстве.

Валдай издревле славился на Руси богатством расторопных жителей, склонных к торговле; край был сытный, привольный, разгульный; в реках водилась жирная форель, находили и жемчужные раковины; изобилие скота в уезде просто ошеломляло, а сам город был знаменит не только валдайскими колокольчиками, но и кренделями особой выпечки, так что путник не проедет мимо, прежде не вкусив от Валдая его природных благ.

Вот в этом краю и родился Федор Михайлович Плюшкин...

Отец его жил с торговли, но в 1848 году отца прибрала холера, а мать, в делах коммерции несведущую, вконец разорили бывшие компаньоны. Поплакала она и сказала сыну:

– Мал ты ишо, десяти годочков нетути, а жить при деле надобно, иначе дураком помрешь. Кому кланяться? Братцы твою тятеньки, дядя Коля да дядя Ваня, уж на что свирепы, ну чисто собаки на всех кидаются, а делать, сыночек, неча – к родным супостатам на поклон итти надобно...

Пошли! Дядя Коля сразу на них орать начал:

– На што ты мне, Анька, паценка суешь? Или думаешь, глупая, что я Федьку ублажать стану, ежели он племянником мне доводится? Да я никого даром не кормил и кормить не стану.

– Возьми, Николай Федорович, – взмолилась мать, на колени падая. – Не дай пропасть сиротинушке, а уж он постарается. Не гляди, что мал... он у меня смышленный!

– Ладно, оставьте, – разрешил дядя. – Поглядим, на какое проворство способен...

В четыре часа утра сдергивали с полатей, чтобы снег перед домом убрать, потом с ведрами – за водой, время самовар ставить, а покупатели из дядиной лавки не желают товары нести – Федя тащит; так весь день и крутился мальчонка. Подвырос он, и дядя Николай стал посылать его с товарами по ярмаркам – следить за извозчиками, чтобы чего не сперли. Бывало, едет-едет, а морозы-то лютейшие. На остановках в пути извозчики водки нажрут да, в тулупы завернувшись, дрыхнут по амбарам, а бедный Федя на возу скрючится, спит на морозе, ажно слезы на щеках замерзают.

Но однажды зимою такой случай выдался. Стоял как-то Федя с метлой возле лавки, вышел и дядя на улицу – прозеваться. Тут к ним подковылял юродивый Тимоха Валдайский, босиком по снегу шастая, и стал что-то нашептывать Николаю Плюшкину по секрету. Дядя послушал его речей да как треснет убогого в ухо – бедный Тимоха в сугроб так и завалился. Дядечка сказал ему:

– Ты мне не колдуй, тварь вшивая! Штобы я, купец второй гильдии, да побираться ходил... не-а, тому не бывать.

А юродивый – из сугроба – на Федю палкой указывал:

– Эвон, отрок с метлой... гляди, какой ясный! Вот его угол всегда будет полон добра всякого, а ты, Николай Плюшкин, завшивеешь, как я, и к нему за милостыней шляться станешь...

Ох, не понравилось дяде Николаю такое пророчество, долго он переживал, думая, потом заявил племяннику:

– Езжай от меня... мне с твоей будущей конкуренции стали вши сниться. Я письмо написал в Москву – фабриканту Бутикову, чтобы приспособил тебя. С глаз долой – из сердца вон! Езжай, а то и всамделе завшивею...

Федя в Москве-то и подюжал до расцвета юности, ежедневно таская пудовые тюки на Остоженку. Но Бутиков скоро его приветил, разглядев в парне грамотность и любовь к чтению.

– Вот что! – сказал фабрикант. – Из крючников перевожу тебя в приказчики... на всем готовом. Сем рублей жалованье... Рад ли? А, кстати, кой годочек тебе пошел?

– Двадцатый, – пояснил Федя Плюшкин.

– Тады семи рублей хватит. Живи и наслаждайся...

И верно – хватало, даже маменьку финансировал. Но в доме Бутикова расцветала Наташа, дочь фабриканта, и так молодые полюбились друг другу, что роман меж ними в тайнстве не остался. Бутиков же совсем не хотел иметь такого зятя, как Плюшкин, который семи рублям радуется.

– Удались-ка ты во Псков, отвезешь деньжата моим кредиторам, опосля сиди во Пскове, жди от меня указаний.

Приехал Федя во Псков, где недавно поселился и дядя Коля, купивший в городе дом для своих магазинов. Федя исполнил хозяйское поручение, стал ожидать, что прикажут ему далее делать, и вскоре Бутиков известил его, чтобы катился на все четыре стороны, а Наташки не видеть ему как своих ушей...

Федя устоял, но мать его зашаталась от горя:

– Хосподи! На што ж мы жить-то нонеча станем?

Перебрала вдовица свое барахло, что от мужа осталось, сняла с пальца кольцо золотое, велела идти на поклон к дяде Николаю, чтобы тот ссудил деньгами под залог вещей его покойного брата. Услышав такое, Николай Плюшкин осатанел:

– Под такое-то барахло... да ишо кредитовать тебя? Узнаю добра молодца по соплям до колена... дурак такой!

Вышиб его дядя прочь, швырнув юнцу десять рублей:

– Вот тебе, племяшек родненький... на разжирение!

Приютил Федю с матерью другой дядя – Иван, у которого тоже был дом во Пскове, и в этом доме Иван Плюшкин не только магазин содержал, но и номера сдавал для проезжающих; а чтобы приезжие не скучали, он даже театр имел – с актерами.

– По мне так живите, – благодущничал дядя Ваня. – Можете в театре моем даже комедь подсматривать, не жалко!

На десять рублей, что швырнул ему дядя Коля, Феденька накупил всякого барахла – иголок швейных, гребенок, наперстков, мыла, тесемок, катушек с нитками разноцветными, а матушка его – искусница! – сотворила немало «венчиков» (бумажных цветочков, ибо в те времена, читатель, русские крестьяне на шляпах-гречневиках имели обыкновение носить цветочки). Вот с таким товаром Федя стал коробейником и пошел по деревням псковским, еще от околиц баб и девок зычно скликая:

– А кому нитки, а кому иголочки острые, а кому наперсточки, чтобы не уколоться... Налетай, у других дороже! А вот и книжечка для вечерне-семейного чтения – «Прекрасная магометанка, умирающая на гробе любимого мужа...»

Далеко ушел Федя Плюшкин, даже до Порховского уезда, и однажды вернулся с таким барышом, что сам не поверил. Уже в старости, известный не только в России, но даже в Европе, Федор Михайлович переживал тогдашнюю выручку:

– Семьдесят семь копеек... кто бы мог подумать? Маменька как увидела, так и села. Вот праздник-то был! Поели мы сытно, а потом комедию даром смотрели... Это ли не жизнь?

Торговля – дело наживное, только знай, чего покупателю требуется, и через три годочка коробейник Федя Плюшкин имел уже сто рублей...

С этими деньгами поехал он в Петербург, чтобы накупить выгодных товаров. Столичным коммерсантам понравился парень, непьющий и разумный; поверив Плюшкину, они даже открыли ему кредит, и скоро он завел в Пскове собственную лавчонку, где и начал торговать дешевой галантереей. Псковские модницы повадились навещать его лавку, что размещалась в

доме на углу Сергиевской и Петропавловской улиц: в этом же доме Федя Плюшкин снимал комнатки – для себя и для матушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.